

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА
2017

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ
АНТОН ПЕРВУШИН
МИЛОСЛАВ КНЯЗЕВ
АЛЕКСЕЙ БЕССОНОВ
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА
МАЙК ГЕЛПРИН
и другие

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА-2017

Том второй

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос = Рус)6-44
Р89

Серия основана в 2003 году

Разработка серии *Е. Савченко*

Иллюстрация на обложке *М. Петрова*

Составитель сборника *И. Минаков*

Русская фантастика — 2017. Том второй. — Москва :
Р89 Издательство «Э», 2017. — 608 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-99056-6

Двадцать первый век не случайно назвали экспоненциальным. Да, войны, да, массовые опустошения. Все это ничто перед Климатическим ударом. Выжившее человечество горестно, но освобожденно вздохнуло. Каждый получил возможность совершать юридические сделки любой сложности, пользоваться дешевым солнечным электричеством и не думать об экономии воды в связи с катастрофическим потеплением. А софтвер «настроение» помогал пережить некоторые несовпадения с действительностью...

Свою смерть трансгуманист Дегтярный запомнил намного хуже, чем воскрешение. Последнее, что он увидел перед тем, как провалиться во тьму, — настенный рекламный плакат, на котором была запечатлена изящная бионическая красотка под строгой надписью «Будущее рядом». Знал бы Дегтярный, что его ждет в этом будущем...

В этом мире никогда не было Гитлера, но от этого ничуть не легче. В очередной раз объединенная Европа ополчилась против России, чтобы огрести по полной. Ну а Эйфелева башня, Лувр, Биг-Бен, Стоунхедж, Колизей и многое другое — военные трофеи. Назначили нас варварами? Что ж, получите и распишитесь...

Геннадий Прашкевич, Антон Первушин, Милослав Князев, Алексей Бессонов, Дарья Зарубина, Майк Гелприн и другие во втором томе традиционного ежегодного сборника «Русская фантастика»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александр А., Ангелов А., Бакулин В., Белоглазов А., Бессонов А., Бочаров А., Быстров О., Габриэль А., Гардт А., Гелприн М., Гинзбург М., Громов А., Дробкова М., Жакова О., Зарубина Д., Золотько А., Князев М., Крич Е., Лукин Д., Макарова Л., Марышев В., Миллер А., Первушин А., Подзоров П., Пономарев А., Прашкевич Г., Прососов И., Титов О., Тищенко Г., Удалин С., Южная Ю., 2017

© Состав и оформление.

ISBN 978-5-699-99056-6

ООО «Издательство «Э», 2017

ГЕННАДИЙ ПРАШКЕВИЧ

ПЕНСЕРЫ И ПЕНСЫ

С «ТЕТКАМИ»

7 октября 2413 года.

19.10. На реке Голын безоблачно.

1

аньше я не работал с пенсерами.

Помогал, да. Но пенсерам многие помогают.

Все мы из океана. Все мы родственники — по предкам. Все одной крови, что там ни говори. В штампах (и в штампах) есть свой смысл. Все мы — сородичи и современники, но время течет, время уходит, ты стареешь, преступая, наконец, некую границу. Тебе девяносто. Тебе, наконец, сто. Почему нет? Тебе сто пять. Цифры скачут как сумасшедшие. Шумные цивилизационные центры утомляют. Смеющиеся молодые лица утомляют. «Отправляйся-ка, парень, отправляйся на поиски новых мест». Старинная песенка стала гимном свободных пенсеров, знаменитое полотно «Снежная буря на горе Бумза» превратилось в символ движения. Некий Счастливчик (по крайней мере, его знают под этим прозвищем) в возрасте ста девятнадцати лет покорил западное ребро горы Бумза, столь же величественное, сколь неприступное. Ледяная стена, грозные трещины, осыпающиеся снежные карнизы — Счастливчик покорил именно западное ребро.

Никакой гарантии на возвращение?

Нет, нет, пенс вернется! Не может не вернуться.

Бибай. Звучные монгольские словечки в большой моде на реке Голын.

Пенс по прозвищу Счастличик непременно вернется — опять в Дин-ли, центр пенсеров. Прищуренные глаза сияют, как ледяная кромка хребта на восходе. У такого крутого пенса много приятелей. Они ждут его. Все вместе они будут сидеть за столиком тихой набережной, пить травный чай, наслаждаться заразными монгольскими танцами, а Счастличик расскажет о снежной буре.

О великое, облачное искусство! С него все начинается, им все заканчивается.

О великая, великая игра! С нее все начинается, ею все заканчивается.

Конечно, не всякий пенсер — пенс, зато все пенсы пенсеры. Если отвлечься от привычной бытовой фразеологии, пенс — это тоже пенсер, но, как говорят, с шилом в одном месте. На фоне крутящейся снежной воронки, втягивающей в себя все сущее, Счастличик смотрится как надо. Щеки в инее, ледоруб в руке.

Не думайте о ледяной стене, пенс вернется.

2

В Отделе этики не говорят, с кем ты будешь работать.

А вот где работать, это известно. В Дин-ли, в центре пенсеров.

Остальное «тетки» подскажут. Им виднее. Единая мировая система всеобщей информации (камеры Т, в просторечье — «тетки») укажет, подскажет, прояснит, наведет на правильную мысль, прочертит возможные пути подхода к проблеме. А главное, «тетки» ни на минуту не позволят забыть о том, что, достигнув счастливого возраста (девяносто лет), пенсеры отбывают в выбранные ими края вовсе не для того, чтобы длить надоевший им

образ жизни. Нет, нет. С них хватит. Они вам все отдали, молодые челы! Ваши сумасшедшие города — в прошлом. Хотите знать, как мы чувствуем себя вдали от вас, от детей и внуков? Да хорошо чувствуем. И устраивались мы на реке Голын, на дальних островах, в бывшей тундре не для того, чтобы снова и снова обсуждать давно надоевшие нам проблемы. Еще раз, с нас хватит. Мы навсегда освободили себя от суеты, а вас от лишних забот. Мы теперь не вмешиваемся в дела молодых челов. Мы теперь полны своими собственными страхами, собственными комплексами, у нас свои интересы, запах, еда, это все — наше. В Дин-ли нет никого, кто был бы моложе пограничного возраста. Девяносто лет — наш «молодняк». Это кандидаты в пенсеры. Сколько вам лет? А вам? Тридцать пять! Вот видите. Слишком долго тянулись времена, когда о пенсерах говорили в основном как об отработанном материале. Да, отработанный материал, да, беспомощная биомасса, нуждающаяся в постоянном внимании. Старики — разве не вечный тормоз прогресса? В эпоху непрерывных войн и общественных взрывов, во времена, предшествовавшие Климатическому удару, видимо, приходилось так думать. В конце концов, это не мы, это природа придумала постоянную смену живого.

Но пенсеры сумели организовать.

Они не ушли из мира, они просто отдалились.

Они просто сменили направление своих мыслей. Они перестали постоянно суетиться, жить в суете, думать о суете, они живут в своем мире, повинуются своим желаниям. Они, наконец, получили возможность жить так, как им хочется, и не мешать тем, от кого зависели.

В Отделе этики мне сказали: летишь в Дин-ли, остальное «тетки» подскажут.

И еще сказали: ты, Лунин, не нервничай. В Дин-ли не надо нервничать, там этого не любят. Отбрось привычные представления о старых немощных людях, не бросайся уступать место каждому встречному, в Дин-ли это может показаться бестактным. Не выказывай чрезмерного уважения к тому, кто выглядит значительно старше (там, в Дин-ли, все старше), это может обидеть твоего визави. Не считай, что с любым делом ты справишься быстрее и лучше любого морщинистого и седого пенсера только потому, что тебе тридцать пять, торопливость может выставить тебя в смешном виде.

И еще раз особенно подчеркнули: ты летишь в центр пенсеров.

Это за условным полярным кругом, если смотреть на карту.

Климатический удар изменил историю человечества.

В последние пятьсот лет глобальное потепление выровняло береговую линию океанов, часть земель затопило, часть превратило в цветущие зоны. Такие понятия, как полярный круг и высокие широты, заполнились другим смыслом. Можно сказать, они заполнились прекрасным шумом листвы, порывами теплых ветров с реки и с моря, птичьим щебетом.

Ты в игре, сказали мне в Отделе этики.

Сойдешь с планера, поселись в гостинице «Голын».

И вообще, относись к делу с юмором, Лунин. Помнишь кависта Соловьева. Так случилось, что он вернулся с задания только через семь лет, — без правой ноги, зато с чрезвычайно качественным отчетом. Потерянная нога захоронена где-то на берегу Байкала, это не мешает Соловьеву жить полной жизнью. Бери с него пример, Лунин. У кависта Соловьева с чувством юмора все обстоит пра-

вильно. Одной ногой я уже там, любит повторять он. По крайней мере, на эти его слова часто ссылается пенсер Ида Калинина, с детства мечтающая о дружественной прочной связи с иным миром.

У меня были и свои причины для поездки в Дин-ли.

Впрочем, мои личные причины Отдела этики не касались.

Придет время, я представлю подробный отчет, этого достаточно.

Пенсеры тоже полны страстей, дело не в скорости протекания биологических процессов. Жизнь пенсера — большая река, излившаяся на равнину. Сплошные длинные тихие плесы, но там заметен водоворот, и там, и вон там еще. Что мы знаем о глубинных течениях? Конечно, многие пенсеры любят Реальные кварталы, неторопливые суждения о жизни и смерти, классический стиль в живописи, облачное искусство. Зато для пенсов, которые с шилом в одном месте, все искусство — заоблачное. Пенс с шилом в одном месте и в сто, и в сто десять лет готов подниматься на ледяные пики Крыши мира, прыгать с парашютом в безжизненную раскаленную пустыню. О, эти затяжные прыжки! Свободное падение — всегда круто, на него не каждый молодой чел способен. Тут, правда, надо помнить, что любому молодому челу всегда есть что терять, а скажем, на сто одиннадцатом году уровень беспокойства в человеке резко снижается.

Это понятно, основные задачи выполнены. Теперь ты — пенсер. Играй!

Отдел этики строго следит за тем, чтобы никто, как писали давние классики, не ушел обиженным.

Об этом я думал на борту планера.

Три часа ровного успокаивающего полета.

Индивидуальные соты были закрыты, только соседки в правом ряду презрели правила. Они подняли цветные

колпаки над своими креслами. Они кудахтали как куры. Они не обращали на меня никакого внимания.

Не обращали — да, но все замечали.

Вон, замечали, молодой чел летит в Дин-ли.

«У него, наверное, нет выбора», — смеялась одна.

«Какой выбор среди сверстников», — смеялась другая.

Подведенные морщины говорили не столько о возрасте, сколько об отношении к возрасту. Бибай, кудахтали они. Вон рядом летит молодой чел. Это я так для себя переводил их ужимки и жесты. Наверное, в Дин-ли у молодого чела есть взрослые близкие, перевалившие критический возраст. Мои спутницы (оранжевые волосы и синие) были уверены в том, что я лечу в Дин-ли надоедать близким. Подчеркнутые специальным карандашом морщины нисколько их не смущали. «А воду найдут обязательно», — утверждала оранжевая. Синяя хлопала в ответ: «Ну, найдут, нам-то что?»

Воду? Какую воду?

Ах да. До меня наконец дошло («тетки»), что они говорят о живой воде.

Невероятные слухи быстро распространяются, впрочем, мои спутницы скоро перешли на Счастливчика.

«Счастливчик — придурок...»

«Зато он поставил Одиссея...»

«А все равно разговаривает с сиренами...»

Почему-то последнее больше всего их веселило.

Они, к слову, вспомнили какого-то Щербака. Видимо, еще один пенс, из тех — с шилом. Называли они Щербака ласково — Тарвоган, друг сердешный. Но он их достал. Он их здорово достал. Он поступил совсем не так, как они ждали, а ведь Тарвогану уже сто семь. Он не должен был подводить синюю и оранжевую. По некоторым их словам я очень скоро составил портрет друга сердешного. Этот Тарвоган, он маленький, как летучая мышь, и боится флирта, как кислотного дождя. Но он клялся

моим спутницам, он обещал полететь с ними в Дин-ли, обещал подпереть их своими хилыми плечиками. И вот обманул. Такую синюю и такую оранжевую каждый может обидеть. Друг сердешный предпочел моим нынешним спутницам подземелья пещеры Карр, они называли их Пропастью. В ней, в Пропасти, он и пропадет, кудахтала оранжевая. Под рев подземных водопадов, вторила синяя. Тарвоган, друг сердешный, обломал им весь кайф. Теперь глазастые, как совы, с округлыми румяными лицами, густо разрисованными стильными морщинами, они перебрасывались фразами, не всегда мне понятными.

«Зачем спускаться в Пропасть, если есть река...»

«Если сейф заполнен, его вполне можно обсолодить...»

«Он пожалеет, увидишь...»

И все такое прочее.

Мои спутницы прекрасно знали, что я далеко не все понимаю в их разговоре, поэтому старались произносить каждое слово внятно. Дразнили меня, играли. А подземным похождениям Тарвогана, друга сердешного, противопоставляли надежность известного всем Счастливчика. Тарвоган — придурок, с этим никто не спорит, но лучше бы он отправился с ними в Дин-ли. Лучше бы он брал пример со Счастливчика.

«Мы научили бы его курить и носить шляпу».

Синяя удивилась: «Зачем ему под землей шляпа?»

Оранжевая отмахнулась: «Я говорю о жизни в Дин-ли».

В общем, они осудили неверного Тарвогана. Пусть, глупый, укрывается под земными пластами. Пока он там укрывается, Счастливчик поставил «Одиссея». Он поставил «Одиссея» для всех. Ко всему прочему, это последнее выступление Счастливчика. Так что будем счастливыми, это здорово все упрощает.

По ассоциации я вспомнил Алмазную Незабудку.

«Будь счастливым, это здорово все упрощает».

Так сказала она мне пять лет назад.

От разрывов женщины и мужчины не спасает живая вода.

Я, конечно, обещал Незабудке: «Непременно буду», и все-таки...

Впрочем, куры с подведенными стильными морщинами ничего о моих переживаниях не знали и знать не могли, поэтому, наверное, перешли на ягоду, которую им доставят из тундры в ресторан «Голын».

Они прекрасно знали, куда летят.

Они то смеялись, то переходили на шепот.

«Мучают ли вас эротические сны? — спросил психиатр. Почему мучают? — удивился несколько обескураженный такими словами пациент».

Я примерно так перевел для себя негромкий шепот оранжевой.

Наверное, девяносто лет назад это казалось смешным. А сейчас мои спутницы просто летели в Дин-ли. Их ничто не мучило, разве что проступок друга сердешного, укрывшегося в Пропasti. Они торопились на последнее представление Счастливики и прекрасно знали, что находятся под постоянной опекой «теток». Они знали, что «тетки» везде. Если ты нервничаешь — «тетки» тебя успокоят. Если ты торопишься, они стабилизируют игру. Если устал, прими душ, «тетки» снимут случайные рефлексии. «Тетки» — нервы мирового Облака.

Я с удовольствием прислушивался к веселому шепоту.

Раз эти куры так сильно хотят, значит, молодые челы найдут для них воду.

Каждый в этом мире должен выполнить свое предназначение. Бибай. Пусть молодые челы роют землю копытами. Мы — пенсеры, весело кудахтали синяя и оранжевая куры. Жизнь пенсера начинается после того, как тебе исполнилось девяносто. Ты работал, ты достиг многого. Тебе стукнуло девяносто, ты свободен.

«Все включено».

Игра делает свободным.

В Дин-ли своя музыка, своя мода, живопись, развлечения. Кухня в Дин-ли не китайская, не русская, не монгольская, она своя. Ты видишь настоящих живых драконов в вечернем небе над большой рекой Голын, и это действительно настоящие драконы. Ты видишь полярные миражи над рекой, и это настоящие миражи. Ты ведь не будешь утверждать, что шекспировские страсти не настоящие. А если будешь, значит, ты не пенсер. Игра дает чудесную возможность (при желании) заново пережить все когда-то тобой пережитое. Бывший гонщик проходит самые сложные трассы, не важно, что в его годы нервные реакции, скажем так, притуплены. Это ничего. Бибай. Мы в Облаке. Бывший океанолог спускается в такие бездны, о каких не мечтал в зрелые годы. Неукротимые пенсы, особенно те, которые с шилом, разыгрывают то, что не давалось им в двадцать пять. Игры неисчислимы. Игры необозримы и невероятны. Есть игры для тихих пенсеров. Есть игры для физически неполноценных, но выживших, прошедших полный апгрейд. Есть игры для придурков и кудахтающих кур, все одинаково заслуживают счастья.

Тебе стукнуло девяносто?

Радуйся, пой. «Все включено».

Какой бы ни была игра, она все равно выгодней былых Домов старости — унылых рассадников старческих ссор и склок.

Игра — это не только чудесные облака над вечерним морем, рампа игровой площадки, веселые взгляды, смех, возгласы, это мера и вкус, рассчитанные интонации, понимание вечности. Руками игроков добываются исторические артефакты, уточняются детали давно ушедших событий. Камеры Т (в просторечье — «тетки») строго следят за тем, чтобы не нарушались правила. Мы свободны, мы ответственны. Второе — чрезвычайно важно. Мы живем для будущего, но сотканы, конечно, из собы-

тий прошлого. Пещерные рисунки, разливы больших рек, северные сияния, лед, пламя — все входит в игру. Долой состязание цивилизаций. Мы свободны. Мы созрели для удовольствий. Кто-то уединяется в горной обсерватории, кто-то торит новую тропу в снежной пустыне, кто-то в Реальных кварталах корпит над историческими документами, а кто-то проводит долгие теплые вечера за столиками чудесной набережной. На родине Одиссея, давно затонувшей в прошлом, никто не приносил в жертву Афине Палладе или Афродите свинью или быка, нет, всем им приносили белых голубей и белых козочек.

Пенсеры, как боги, питаются эмоциями.

ЖИВАЯ ВОДА

7 октября 2413 года.

20.20. На реке Голын безоблачно.

1

В гостинице «Голын» было сумеречно.

Я не стал осматривать номер. Сразу отправился в ванную.

Человек вышел из воды, вода его стихия. Вода успокаивает. Вода дарит жизнь.

Я вырос на большой реке. Я наслаждался. Я подставлял плечи, спину под тугие струи, а потом открыл глаза и увидел летящие в лицо капли — каждую в отдельности. Они замерли, будто нарисованные, застыли в полете. Ну да, понял я, мы, молодые челы, живем стремительно. Мы живем энергично. Как огненные вулканы, как снежные метели и грозовые ливни.

Я моргнул, и капли снова слились воедино.

Наверное, это, включились местные «тетки».

И я увидел стены в мраморе нежных тонов, прихотливые голубые прожилки, мягкие обводы, никаких жест-

ких углов. Мой номер, мой душ, моя площадь, хотя все эти определения выглядели бессмысленными.

Самым трудным для человека всегда было изжить идею собственности.

Ее и в прежние века не раз объявляли полностью изжитой, но она вновь и вновь возрождалась, прорастала из недр подсознания, как возрождается, прорастает чертополох на голом пепелище. Уходя в горы, собираясь в море, пенс, конечно, выбирает ледоруб по своей руке, подгоняет обувь, акваланг. Это все *твое*, исключительно твое — по физическим параметрам. Но, вернувшись, ты все равно сдаешь на базу и ледоруб, и обувь, и акваланг, ты снова свободен, «тетки» держат руку на твоём пульсе.

Слабеет память, путаются слова, мир бледнеет, смазывается, но душа человеческая не тускнеет. Цэвэр. Чудо чистое. Стресс и беспокойство — удел в основном молодых челов. Именно они находятся в плену перегрузок, а на пенсеров и пенсов день и ночь работает единая мировая система. «Тетки» — лучший способ стремительно и напрямую передавать энергию и информацию на всех уровнях.

Цэвэр гайхамшиг. Так бы, наверное, сказал Счастливчик.

Я удивился. Почему я все время возвращаюсь к Счастливчику?

Ну да, остался в памяти разговор оранжевой и синей. Друг сердешный в Пропасти... Счастливчик в Дин-ли... Последнее выступление... Наверное, Счастливчик и сейчас находится где-то неподалеку, может, на просторной набережной под окнами гостиницы. А до этого («тетка») он участвовал в каком-то неудачном переходе через выжженную пустыню по пути в Тибет.

Впрочем, почему неудачном? Ну да, потерял в пустыне двенадцать человек, но сам-то вернулся.

Его спросили: «Как вы могли потерять связь с мировым полем?»